

ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

EAST AND WEST: PROBLEMS OF INTERACTION

М. Н. Дрожжина

Поиски Востока в себе (персидские мотивы в лирике русского романа)

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть один из аспектов малоисследованной темы — взаимодействия персидской культуры и отечественной композиторской музыки. Внимание автора сосредоточено на осмыслении фактов данного взаимодействия с учётом цивилизационной специфики России — на примере освоения русскими композиторами.

Ключевые слова: дихотомия Запад — Восток, культурная идентификация личности, персидская поэзия, Гафиз, «Персидские мотивы» С. Есенина, персиана в русской музыке, камерно-вокальное творчество, русский романс.

М. N. Drozhzhina

The Search for the East Inside (Persian Motifs in the Lyrics of Russian Romance)

Summary

The article considers one of the aspects of a little-explored topic — the interaction of Persian culture and Russian composer's music. The author's attention is focused on understanding the facts of this interaction, taking into account the civilizational specifics of Russia, using the example of Russian composers mastering Persian imagery and poetics in the process of searching for the "East Inside".

Keywords: West — East dichotomy, cultural identification of personality, Persian poetry, Hafiz, "Persian motifs" by S. Yesenin, Persian in Russian music, chamber-vocal creativity, Russian romance.

Символ России — двуглавый орёл — изначально демонстрировал многозначность семантики, допуская варианты интерпретаций дихотомии «Запад — Восток». Головы гордой птицы, указывая на противоположные направления, оставляют возможность усматривать заложенные в данных рамках различные уровни проявления дихотомии. При этом последняя весьма относительна и зависит от точки отсчёта. Так, западная ориенталистика включает Россию в целом в своё предметное поле (а народы Поволжья, Кавказа, Сибири или Дальнего Востока — все они и с позиций отечественной науки — Восток). Но непосредственно и «великоросский» компонент, например, для польской науки является Востоком. Для этого есть определённые основания. Заглянув в глубь веков, можно увидеть: процесс формирования славянского этноса не обошёлся без участия ираноязычных скифов¹, а Киевская Русь, будучи окраиной европейского мира, контактировала с тюркоязычными половцами и печенегами. Особую роль в этом плане сыграли волны монгольских нашествий. Таким образом, сам процесс формирования русского этноса, его географическое расположение (цивилизационно Россия связана с западной культурой, но для Запада сама является Востоком) обусловили вывод: «восточная культура входит в базовые основы российской цивилизации и культуры» [16]. А это означает, что в процессе самопознания и формирования личности ценности, черты характера и т. д. формируются подсознательно или осознанно в сравнении с культурными или нравственными идеалами, ассоциирующимися с Востоком. Активная внутренняя деятельность, направленная на обретение целостного «Я», нацелена на понимание своего места в мире.

Отсюда — освоение восточной темы русской музыкой не могло повторять пути, проложенные западноевропейским искусством. Восточные мотивы в творчестве европейских композиторов, как известно, изначально зазвучали в фантастических сценах сцениче-

ских жанров конца XVII века. Россия подключилась к освоению этой тематики позднее, когда европейский «просветительский Восток» конца XVIII века сменился в XIX столетии экзотизмом — романтической поэтизацией и эстетизацией Востока, по сути — одним из путей бегства от действительности. Развивался он от условных — к достоверно стилизованным образам, нередко основанным на впечатлениях от реальных путешествий, приобретая в результате черты этнографизма, или «адаптированного экзотизма» (определение Э. Герштейн) [7].

В контексте настоящей статьи предварительно отметим наличие специфически российской, «внутренней» восточной тематики (то есть романтизированной кавказской и изначально этнографической татарско-башкирской) и кратко обозначим существенные различия в освоении Востока «внешнего», вытекающие из особого, «срединного» между Востоком и Западом положения России. Положения, превращающего дихотомию в триаду Запад — Россия — Восток. Каждый творец (и не только) по-своему решал проблему культурной идентификации. И здесь не срабатывала чёткая и понятная линия разделения «славянофилы — западники»².

Восток для русских — не заморская экзотика и не бегство от действительности. Он стучал в дверь кавказскими, турецкими и персидскими войнами, будоражил умы тесным соседством культур, наиболее близкие и понятные из которых привлекали внимание композиторов. Если в Западной Европе на протяжении XVII — до начала XIX века особое внимание уделено турецкому Востоку (с его так называемым «янычарским комплексом» выразительных средств, основанным на воспроизведении звучания турецкого оркестра [См.: 12]), то в русской музыке арабо-турецкий компонент выступал как обобщённое преломление сказочно-мифологических традиций. В то же время Персия (так до 1935 года назывался Иран) — близкая, реальная, плавно перетекала через ворота Кавказа, не имея отчётливой культурной границы. Начиная с XVIII века в русской

художественной мысли отчётливо проявилось пристальное внимание к искусству Персии. Его выделение из ряда других восточных художественных традиций обусловило заметное влияние на отечественную культуру. Это объясняется не только притягательно-волшебной восточной экзотикой (таковой достаточно наделены и другие восточные традиции), но и тесным соседством: вплоть до развала СССР государства имели протяжённую общую границу на Кавказе и в Центральной (Средней) Азии. Персы проживали и в Российской империи³. Опосредованно близость культур присутствует и в сходстве некоторых закономерностей (синтаксических, лексических, интонационных) русского и персидского языков, в именах и сюжетных линиях эпических сказаний⁴ и т. д.

Но более важное сходство в гораздо менее осязаемой, нематериальной сфере — наличие глубинной связи между Россией и Ираном — описал А. С. Хомяков. «Рассматривая „иранство“ как фундаментальный принцип свободы воли, проявляющий себя в различных исторических и культурных феноменах, российский славянофил, в конечном счёте, в рамках своей историософской концепции выводит ключевой для российской ментальности принцип „сборности“ как отражение „иранства“ в русской культуре» [Цит. по: 14. С. 165]. Отечественный историк-иранист И. В. Базиленко подчёркивает: «Многие из достижений российской внешней политики в Иране проистекали из национально-культурных особенностей и духовно-психологических корней, объединявших россиян и иранцев» [2. С. 176]. О первом пребывании русского путешественника в Иране мы узнали из «Хождения за три моря» купца Афанасия Никитина, попавшего в Персию на пути в Индию в 1468 году. В 1592 году первый посол Персии посетил Москву⁵. Однако активно отношения стали развиваться во время правления Екатерины II — при столкновении интересов на Кавказе и Каспии. Начались они с военных действий, постепенно перерастая в сотрудничество и добрососедство. (Интересно, что стараниями Екатерины II внедрялась её «Скифская концепция», согласно которой русские являются потомками скифов, обладая хра-

бростью, справедливостью, независимостью и свободолубием⁶.) Из военных походов — в песнях, слагаемых русскими воинами, пришли первые музыкальные образы Персии⁷.

И когда с 1804 года уставом российских университетов было введено преподавание персидского языка⁸, арабская поэзия всё ещё ассоциировалась «с бедуинами и Кораном Магомета, оставаясь по преимуществу безымянной» [17. С. 256], в то время как персидская обрела конкретное звучание, связанное с именами Саади и Гафиза (Хафиза). Возможно, именно поэтому в русской культуре постепенно формируется явление, которое можно обозначить как «музыкальная персиана», вырастающее, подобно дубу из жёлудя (как симфоническая музыка вырастала из «Камаринской» М. И. Глинки), из персидского хора оперы «Руслан и Людмила»⁹. Попевочный характер мелодии, оплетение её диатоническими и хроматическими вспомогательными, завершение нижним вспомогательным к основному тону, воспринимаемое как очередное украшение — медленный мордент, — всё это стало своеобразным «словарным запасом» для последующих поколений композиторов. В том числе и в камерно-вокальной области, наиболее ярко представленной в отечественной персиане, продолженной циклом А. Рубинштейна «Двенадцать персидских песен» на великолепные стихи скромного преподавателя персидского языка из Гянджи и Тифлиса, одновременно всемирно прославленного азербайджанского поэта Мирзы-шафи Вазеха (1794?–1852) в переводе Фр. Боденштедта (1854, изд. 1855). Данный цикл не вписывается в сформировавшуюся позднее парадигму русской романсной лирики: он изначально написан на немецкие тексты (впоследствии переведённые на русский П. И. Чайковским); опирался на закономерности не персидского, а молдавского фольклора¹⁰ (попутно отметим, что одна из песен цикла — «Клубится волною кипучею Кур» — приобрела мировую известность в исполнении Ф. И. Шаляпина).

В процессе обзорного анализа поэтической составляющей романсов (лирической поэзии), ориентированных на персидскую тематику, выяснилось: подавляющее боль-

шинство сочинений основано на обращении композиторов к двум источникам, творчеству двух гениев — персидского и русского. Один из них связан с именем великого персидского поэта, шейха Хафиза Ширази (ок. 1325–1389). Это романсы С. Танеева «Из Гафиза» на стихи Гафиза — Ф. Маслова (1885); А. Глазунова «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой») на стихи А. Пушкина (1888); цикл из четырёх романсов Н. Черепнина «Из Гафиза» на стихи Гафиза — А. Фета (1904); Н. Римского-Корсакова («В царство розы и вина») на стихи Гафиза — А. Фета (ор. 8, 1868–1870); цикл «Песни Гафиза» — 5 романсов А. Гречанинова на стихи Гафиза — А. Фета, Гафиза — Вл. Соловьёва (1916) и другие.

В отечественном литературоведении в области ориентальной персидской тематики исследователи выделяют берущие начало в романтизме своеобразные «жанрово-тематические» цепочки, пронизывающие весь XIX век, а порой продолженные и в XX столетии. Среди наиболее популярных, наряду с «Подражанием Корану» (дань которой отдали А. Пушкин, М. Лермонтов, Я. Полонский), «Соловьём и розой» (А. Пушкин, А. Одоевский, А. Фет, А. Апухтин), мы видим также самую многочисленную по числу авторов цепочку под названием «Из Гафиза». Здесь значатся имена не только А. Пушкина и А. Фета, но и Л. Якубовича, А. Майкова, П. Гнедича, В. Соловьёва. В данном случае перед нами не переводы, а свободные поэтические интерпретации русских поэтов (попутно отметим, что подражания А. Фета оказались наиболее востребованными композиторами. Это корреспондирует с мнением литературоведов, утверждающих: именно подражания Фета являются блестящим образцом жанра). Уже отсюда возникает опосредованность воплощения «персидского» в романсах. Кроме того, тематика «Из Гафиза» — это своеобразный «двойной фильтр» в восприятии персидской поэзии, так как связана не просто с двойным переводом (через европейский, чаще немецкий язык), а с подражанием подражанию (так, выяснилось, что поэтические опусы Г. Ф. Даумера, лежащие в основе подражаний А. Фета, являются, в свою очередь, подражани-

ями, но отнюдь не переводами). В результате поэзия Востока пришла в Россию через Запад в виде своеобразного «метаобраза» поэзии Гафиза. А сам Гафиз — концептом, «сгустком персидской культуры» в сознании поэта и композитора¹¹.

При этом отметим парадоксальную закономерность: композиторов привлекают именно двойные гениальные подражания (А. Пушкин, А. Фет), но не профессионально выполненные непосредственно с персидского переводы поэта Дмитрия Ознобишина, безупречно владевшего языком Гафиза¹². Чтобы хотя бы в самом предварительном виде прояснить ситуацию, обратимся к трудам литературоведов. В статье известных исследователей восточной литературы Н. Чалисовой и А. Смирнова [17] дан анализ подражаний восточным стихотворцам в арабо-персидской поэзии, выявлены стилистические признаки восточного стиля романтиков, ответы на вопросы: что захотела почерпнуть русская поэзия из литературной сокровищницы Востока? Какими стилистическими приёмами имитировался восточный слог? Вяч. Вс. Иванов предполагал «прежде всего уподобления и метафоры, изысканную образность, отчасти имитировавшую арабскую и персидскую» [12]. Однако, утверждают авторы названной выше статьи, соединялись метафорические образы в лирике таких ценителей Востока, как В. Жуковский, Ф. Глинка, А. Шишков, К. Батюшков, А. Пушкин, М. Лермонтов (этот ряд, естественно, можно продолжить), вовсе не в том «курча-вом беспорядке», который виделся у восточных поэтов, а в подчинении нормам развёртывания лирического сюжета, установившимся в русской традиции. Данное обстоятельство в определённой степени объясняет обозначенную выше ситуацию, хотя и не исчерпывает её.

Как известно, для композитора важно не только то, что заключено в словах, но то, что находится в подтексте, обращено непосредственно к чувству и воображению. Мощный импульс, идущий от «сгустка персидской культуры», создавал благодатную почву для этого. Думается, столь выраженная популярность средневекового персидского поэта-суфия обусловлена не только тем, что Гафиз утвердился

в русской поэзии (а соответственно и в музыке) через «Западно-восточный диван» Гёте. Возможно, персидский поэт стал своего рода образом-концептом, позволяющим русским авторам осознать свою причастность к Востоку (здесь позволим себе перефразировать К. Станиславского) не по принципу «я на Востоке», а прямо противоположно: «Восток во мне». Не случайно опосредованное обращение к лирике Гафиза преодолевает границы романтизма как в поэзии, так и в музыке. Не только творчество, но и сама личность становится символом тезиса «Восток во мне», когда в 1906 году Вячеславом Ивановым был создан кружок «Друзья Гафиза». До конца жизни волновала эта тема поэта, в одном из своих последних писем написавшего: «West Östlicher Diwan возник у Гёте из чувства Азии, когда он увидел в Германии после 1814 года расквартированные у Рейна русские азиатские части» (из письма В. Н. Иванова П. Ф. Беликову. Хабаровск, август 1971 года).

Вспомним высказывание М. Бахтина: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет. Она вся расположена на границах, границы проходят повсюду через каждый момент её, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце, отражается в каждой капле её» [5]. В контексте настоящей статьи можно уточнить: носителем таких атомов является художник-творец.

Таким образом, русская литература (и, в частности, поэзия. — М. Д.) «изобретала» Восток, «необходимый русской культуре для решения проблем самоидентификации» [1. С. 311].

Другим магнитом, притягивающим внимание к теме Востока, стали бессмертные «Персидские мотивы» С. Есенина (1924–1925)¹³. В контексте настоящей статьи нецелесообразно анализировать содержание и историю создания данного опуса, тщательно и неоднократно освещённые в литературе. Отметим только, что импульсом послужил том «Персидской лирики X–XV веков», изданной в переводе академи-

ка Ф. Корша¹⁴. Сам же поэт никогда не бывал в Персии, предмете своих мечтаний. Но незадолго до работы над циклом он побывал в Средней Азии и на Кавказе. Именно эти впечатления сыграли важную роль в работе над циклом¹⁵, контрастируя с воспоминаниями и культурным кодом. Коренное отличие образных решений — их скрытое противопоставление в картине двоemiрия, выстроенное по принципу дуальности — дополняемости.

Показательно: самые ранние композиторские отклики появились сразу же после создания цикла — романсы Р. Бойко («Никогда я не был на Босфоре»), А. Живцова, С. Орланского («Персиянке»), А. Покровского («Шаг», «Голубая да весёлая страна»), А. Ручьёва («Шаганэ ты моя, Шаганэ») и др. Со временем появляются не отдельные сочинения, но масштабные циклы, как правило, одноимённые с циклом поэта (В. Веселов, В. Юровский и другие). И это не только опусы представителей русской школы, но и произведения, созданные в рамках советских восточных школ (наиболее интенсивно тенденция проявилась в 70-е годы XX столетия). Среди них — «Персидские мотивы» азербайджанского композитора Мусы Мирзоева (1977) — цикл романсов, впоследствии трансформированный в вокально-симфонический вариант, одноимённую поэму (1978)¹⁶. Назовём также цикл башкирского композитора Хусаина Ахметова (1914–1994), созданный в 1979 году, а также цикл туркменского автора Нуры Халмамедова (1940–1983), увидевший свет в 1971 году, и другие.

Можно предположить: поэт, нашедший «Восток в себе», сумел увидеть и воплотить проявления персидского начала, отвечающие неким универсальным представлениям о Персии. Думается, это подтверждает на конкретном примере правоту приведённого выше замечания М. Бахтина о систематическом единстве культуры. Те самые атомы культурной жизни (в данном случае — персидской) обеспечили диффузность пограничных культур.

Косвенным подтверждением, а также возможностью принципиально нового взгляда на проблему могут служить наблюдения, изложенные в работе М. В. Бариевой [4]. Автор

обнаруживает целый ряд параметров, свидетельствующих о влиянии творчества С. Есенина, и в частности его цикла «Персидские мотивы», на развитие таджикской поэзии советского периода. В контексте настоящей статьи это означает, что «Персия в поэте» не была результатом построения некоего глубоко субъективного образа. Персидское начало в поэзии Есенина, при всей его условности, представляет собой тонкий сплав объективных и субъективных элементов, позволивший увидеть и оценить это начало исследователю идентичной с персидской — таджикской поэзии. Думается, отечественным и зарубежным литературоведам есть, что сказать по данному поводу. А для музыкантов особый интерес могут иметь филологические исследования, определяющие (при анализе комплекса художественно-поэтических средств выразительности, влияющих на эмоциональный строй стихотворения) национально-специфические вокализации русской и персидской речи.

Завершая изложение, необходимо отметить: настоящая статья — первый подступ к изучению камерно-вокальной персианы в отечественной музыке. На основании предварительных наблюдений сделан ряд выводов о дальнейших направлениях исследования. В области собственно музыковедческой предполагается несколько аспектов. Основной акцент — на выявлении «интонационного словаря» отечественной камерно-вокальной персианы с его последующим тщательным анализом. Перспективными представляются исследования интонационной формульности, закреплённой за элементами семантики. Особый интерес в данном плане вызывают романсы, основанные на одном стихотворении (например, А. Гафиз — А. Фет «В царство розы и вина» А. Гречанинова, Н. Римского-Корсакова, Д. Аракишвили). Здесь можно также говорить об исследовании на разных уровнях смысловой дуальной (взаимодополняемой) оппозиции «Запад — Восток» (наглядно представленной «двоемирием» цикла С. Есенина), в том числе и в контексте проблемы интертекстуальности и так далее. Таким образом, отчётливо обозначенная в лирике русского романса персидская

тема с вектором Гафиз — Есенин порождает в определённом смысле новую проблематику, рассмотрение которой, возможно, позволит прийти к новым выводам в сфере изучения межкультурных коммуникаций.

Примечания

- ¹ Скифская версия активно развивалась в XVIII–XIX веках, но в XX столетии в целом была отвергнута, среди россиян признана только по отношению к аланам — осетинам. Однако «скифский след» в генах как жителей северо-западных, так и южных областей обнаруживает современная генетика (в данной статье речь идёт только о европейских скифах) [См.: 6].
- ² Так, граф С. С. Уваров (президент Императорской академии наук, министр народного просвещения), автор формулы «православие, самодержавие, народность», убеждённый западник, долго живший во Франции, был озабочен идеями происхождения русского народа. Понимая, что Восток — колыбель человечества, он стремился донести до российского общества важность развития восточного компонента и внёс значимый вклад в его формирование.
- ³ Их количество постоянно увеличивалось во второй половине XIX века в основном за счёт трудовых мигрантов, некоторые из которых оставались на постоянное жительство [См.: 19].
- ⁴ Так, русский путешественник, географ и этнограф Г. Н. Потанин отмечал непосредственную связь персидского эпоса «Шах-наме» с русскими сказаниями о Еруслане Лазаревиче (Уруслане Залазоревиче) [См.: 15].
- ⁵ А ещё ранее, в конце XVI столетия, шах Мохаммед Султан Ходабендэ (1578–1587) из Сефевидской династии предлагал Российскому государству заключить военный союз против Турции.
- ⁶ Вошедший в историю стратегический манёвр русской армии во время Отечественной войны 1812 года прочно ассоциировался со скифским искусством ведения войны: отступая, заманить противника в ловушку и уничтожить.
- ⁷ После русско-персидской войны (1804–1813) появились народные исторические песни «Коронация Александра и персидский шах», ряд «Песен про Гудовича и персидского шаха». И. В. Гудович — генерал-фельдмаршал (1741–1820) [См.: 13]. Другая война (1826–1828) отражена в известной «Песне о персидской кампании» Николая Верёвкина (унтер-офицера Невского пехотного полка), автора известных во всей армии солдатских песен «Чёрный ворон», «Любо, братцы, любо».
- ⁸ Основанное в 1815 году выходцами из Персии (армянской семьёй Лазаревых) учебное заведение, впоследствии именованное как «Лазаревский институт восточных языков» (с 1827 года — Институт восточных языков; с 1918 — Лазаревский переднеазиатский институт; с 1927 года вошёл в состав Института востоковедения), также внесло заметный вклад в изучение персидского языка.
- ⁹ Об этом более подробно см. в работах автора настоящей статьи: [9; 10].
- ¹⁰ В вокальном цикле К. Сен-Санса «Персидские мелодии» (он имеет подзаголовок «Сновидения от опиума») ор. 26 (1870) также используются подлинные обороты не персидских, а арабских мелодий, записанных композитором во время путешествия. Это свидетельствует о том, что персидское начало не осознавалось автором как самостоятельное, автономное проявление ориентальности, и Восток продолжал оставаться для него абстрактно-обобщённым, несмотря на подлинность мелодической основы.
- ¹¹ «Стуком культуры в сознании» определил Ю. С. Степанов культурный концепт.
- ¹² Свои работы он подписывал псевдонимом «Делибюрадер». Восточные языки изучал под руководством учёного муллы и принадлежал к школе Болдырева, а также казанского востоковеда Эрмманна (*Эберман В.* Арабы и персы в русской поэзии // Восток. Кн. 3. М.; Л., 1923. С. 112 [Дано по: 17]. Дмитрий Ознобишин является автором первого персидско-русского словаря. На его балладе основаны стихи широко известной песни «По Дону гуляет казак молодой».
- ¹³ Не случайно после И. Гёте, признанного основоположника западно-восточного синтеза, и А. Пушкина, ставшего своеобразным олицетворением этого процесса в России, с появлением «Персидских мотивов» Сергея Есенина (по мнению литературоведов) начинается новый период в западно-восточном литературном синтезе [см., например: 4. С. 19].
- ¹⁴ Здесь всё же необходимо напомнить, что средневековая персидская поэзия была преимущественно суфийской. А это значит, наполнена тайными, скрытыми смыслами, где под любовью к женщине скрывали божественную любовь, вино у суфия — эзотерическое знание и так далее. Знал ли об этом поэт? Ведь по сей день в западном мире идут дискуссии о принадлежности, например, О. Хайяма к суфийской традиции. В то время как на Востоке в этом нет сомнений.
- ¹⁵ Нельзя не упомянуть ещё одну версию, не получившую убедительной аргументации, однако распространившуюся на протяжении последних десятилетий. Речь идёт о якобы пребывании С. Есенина в Персии во время неудачной попытки революционного создания Гилянкой Советской республики в одноимённой провинции Ирана [Об этом см.: *Мельниченко А.* Персидские мотивы гибели Есенина. Режим доступа: <https://esenin-lit.ru/esenin/smert/melnichenko-persidskie-motivy-gibeli.htm>. (Дата обращения: 25.08.2025)].
- ¹⁶ Цикл из четырёх миниатюр был написан по рекомендации Г. Свиридова, который очень высоко оценил созданный опус. Интересно, что М. Мирзоев отказался от уже выполненного перевода на азербайджанский язык, и сочинение исполняется на русском.

Список литературы

References

1. *Алексеев П. В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Издательство Томского университета, 2015. 348 с.
Alekseyev P. V. Kontseptosfera oriyental'nogo diskursa v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka: ot A. S. Pushkina k F. M. Dostoyevskomu [Conceptual sphere of oriental discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: from A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2015, 348 p. (In Russ.)
2. *Базиленко И. В.* Православная Россия и шиитский Иран: по страницам истории отношений (XVI — начало XX вв.) // Христианское чтение. 2011. № 2 (37). С. 139–185.
Bazilenko I. V. Pravoslavnaya Rossiya i shiitskii Iran: po stranitsam istorii otnoshenii (XVI — nachalo XX vv.) [Orthodox Russia and Shiite Iran: through the historical pages of relations (16th — early 20th centuries)]. *Khristianskoe chtenie*. 2011, no. 2 (37), pp. 139–185. (In Russ.)
3. *Балащенко Ю. Д.* Следование миссии Хосров Мирзы через Северный Кавказ и земли донских казаков // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск: Музей донского казачества, 1987. С. 62–63.
Balatsenko Yu. D. Sledovanie missii Hosrov Mirzy cherez Severnyj Kavkaz i zemli donskih kazakov [Following Khosrov Mirza's mission across the North Caucasus and the lands of the Don Cossacks]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarkii mir v Podon'e-Priazpv'e: tezisy dokladov k seminaru*. Novocherkassk, Muzej donskogo kazachestva, 1987, pp. 62–63. (In Russ.)
4. *Бариева М. В.* Роль и место Сергея Есенина в западно-восточном литературном синтезе («Персидские мотивы»): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Душанбе: Институт языка и литературы, 2007. 22 с.
Bariyeva M. V. Rol' i mesto Sergeya Yesenina v zapadno-vostochnom literaturnom sinteze ("Persidskiye motivy") [The role and place of Sergei Yesenin in the West-Eastern literary synthesis ("Persian motifs")]: Abstract of PhD Thesis. Dushanbe, Institut yazyka i literatury, 2007, 22 p. (In Russ.)
5. *Бахтин М. М.* К эстетике слова // Контекст–1973. М.: Наука, 1974. С. 266.
Bahtin M. M. K jestetike slova [Towards the aesthetics of words]. *Kontekst–1973*. Moscow, Nauka, 1974, p. 266. (In Russ.)
6. Генетическая история европейских скифов. Режим доступа: <http://vigg.ru/news/news-single/article/geneticheskaja-istorija-evropeiskikh-skifov/> (Дата обращения: 2.08.2025).
Geneticheskaja istorija evropejskih skifov [Genetic history of the European Scythians]. Available at: <http://vigg.ru/news/news-single/article/geneticheskaja-istorija-evropeiskikh-skifov/> (Accessed: 02.08.2025). (In Russ.)
7. *Герштейн Э. Г.* Французский музыкальный экзотизм конца XIX — начала XX века: к проблеме взаимодействия культур Запада и Востока: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.: ГИИ, 1995. 24 с.
Gershtejn Je. G. Francuzskij muzykal'nyj jekzotizm konca XIX — nachala XX veka: k probleme vzaimodejstviya kul'tur Zapada i Vostoka [French musical exoticism of the late 19th — early 20th centuries: towards the problem of interaction between Western and Eastern cultures]: Abstract of PhD Thesis. Moscow, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, 1995, 24 p. (In Russ.)
8. *Дрожжина М. Н.* Персидская парадигма в поэзии русского романа // Фалак ва масъала-ҳои таърихи-назариявии мусикии тоҷик. Душанбе: Адиб, 2009. С. 188–196.
Drozhhina M. N. Persidskaya paradigma v poezii russkogo romansa [Persian paradigm in poetry of the Russian love songs]. *Falak va mas'ala-hoi ta#rihi-nazarijavii musikii tochik*. Dushanbe, Adib, 2009, pp. 188–196. (In Russ.)
9. *Дрожжина М. Н.* Персидские штудии М. И. Глинки (о конкретном в «обобщённом русском Востоке») // Свиридовские чтения. «Родная земля»: образ и идея русской культуры: Сборник докладов. Курск: (?), 2012. С. 69–78.
Drozhhina M. N. Persidskie shtudii M. I. Glinki (o konkretnom v "obobshhjonnom russkom Vostoke") [Persian studies of M. I. Glinka (on concrete and "generalized Russian East")]. *Sviridovskiye chtenya*. "Rodnaya zemlya": obraz i ideya russkoi kultury. Sbornik dokladov. Kursk, (?), 2012, pp. 69–78. (In Russ.)
10. *Дрожжина М. Н.* У истоков персианы в русской музыке: еще раз о персидском хоре из «Руслана и Людмилы» // Идеи и идеалы. 2012. № 4. Т. 2. С. 113–124.
Drozhhina M. N. U istokov persiany v russkoj muzyke: eshhe raz o persidskom hore iz "Ruslana i Ljudmily" [The origins of persiana in russian music: once again about the persian chorus from opera "Ruslan and Lyudmila"]. *Idei i idealy*. 2012, no. 4, Vol. 2, pp. 113–124. (In Russ.)
11. *Заркешев Александр*, игумен. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). СПб.: Сатис, 2002. 135 с.

- Zarkeshev Aleksandr*, igumen. Russkaja Pravoslavnaia Cerkov' v Persii-Irane (1597–2001). St. Petersburg, Satis, 2002, 135 p. (In Russ.)
12. *Иванов Вяч. Вс.* Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1985. С. 456.
Ivanov Vjach. Vs. Temy i stili Vostoka v poezii Zapada. *Vostochnye motivy. Stihotvorenija i pojemy.* Moscow, Nauka, 1985, p. 456. (In Russ.)
13. Исторические песни XIX века / Ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1973. 284 с.
Istoricheskie pesni XIX veka [Historical songs of the XIX century]. Ed. V. G. Bazanov. Leningrad, Nauka, 1973, 284 p. (In Russ.)
14. *Крупник И. Л.* Взаимодействие российской и иранской цивилизации: модель отношений в условиях глобализации // Молодой учёный. 2012. № 1. Т. 1. С. 163–167.
Krupnik I. L. Vzaimodeistvie rossiiskoi i iranskoi tsivilizatsii: model' otnoshenii v usloviyakh globalizatsii [Interaction of Russian and Iranian civilizations: relations model in conditions of globalization]. *Molodoi uchjonyj*. 2012, no. 1, Vol. 1, pp. 163–167. (In Russ.)
15. *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Географический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 902 с.
Potanin G. N. Vostochnye motivy v srednevekovom evropeiskom epose [Oriental motifs in medieval European epic]. Moscow, Geograficheskii otdel Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii, 1899, 902 p. (In Russ.)
16. *Сысоев Т.* Иван Зуенко, востоковед: «Мы всегда умели прислушиваться к Востоку в себе». Режим доступа: <https://portal-kultura.ru/articles/world/342926-ivanom-zuenko-vostokoved-my-vsegda-umeli-prislushivatsya-k-vostoku-v-sebe/> (Дата обращения: 24.08.2025).
- Sysoev T.* Ivan Zuenko, orientalist: “We have always been able to listen to the East in ourselves”. Available at: <https://portal-kultura.ru/articles/world/342926-ivanom-zuenko-vostokoved-my-vsegda-umeli-prislushivatsya-k-vostoku-v-sebe/> (Accessed: 24.08.2025). (In Russ.)
17. *Чалисова Н. Ю., Смирнов А. В.* Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М.: Восточная литература, 2000. С. 245–344.
Chalisova N. Yu., Smirnov A. V. Podrazhaniya vostochnym stikhotvortsam: vstrecha russkoi poezii i arabo-persidskoi poetiki [Imitations of the Eastern poets: meeting of the Russian poetry and Arab-Persian poetics]. *Sravnitel'naya filosofiya*. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, pp. 245–344. (In Russ.)
18. *Широкова В. П.* «Янычарский» стиль: Культура и Варварство // Советская музыка. 1991. № 12. С. 38–41.
Shirokova V. P. “Janycharskij” stil': Kul'tura i Varvarstvo [Janissary Style: Culture and Barbarism]. *Sovetskaja muzyka*. 1991, no. 12, pp. 38–41. (In Russ.)
19. *Hakimian H.* Persians in the Russuan empire // Encyclopaedia Iranica. Режим доступа: <http://www.iranian.com/Dec96/Iranica/Russian/Russian.html> (Дата обращения: 01.08.2025).
Hakimian H. Persians in the Russuan empire. *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranian.com/Dec96/Iranica/Russian/Russian.html> (Accessed: 01.08.2025). (In Engl.)

Об авторе

Дрожжина Марина Николаевна

Фонд «Духовное наследие святого Апостола Павла»

- член правления
- доктор искусствоведения, профессор

Россия, Москва

drozhzhina.14@mail.ru

About the author

Marina N. Drozhzhina

Foundation “Spiritual Heritage of St. Paul the Apostle”

- Member of the Board
- Doctor of Art History, Professor

Russia, Moscow

drozhzhina.14@mail.ru